

как раз нанизал на свой вертел ее соседку.

– Ах, черти бы вас забрали! Так-то вы меня обошли! – закричала она. – Ну нет, не бывать по-вашему!

Тут вскочила она с постели и проворно зажгла свечу) когда бедняга Гийом увидел свет, он также вскочил с постели, а Жеанова супруга так и осталась лежать, не зная, что сказать или сделать, столь она была поражена. Жена Гийома, которая сперва никак не могла решить, чем поколотить изменницу, схватила наконец ночной горшок, отнюдь не пустой, да и давай колошматить ее этим горшком, залив ей лицо мочою, а поскольку горшок был глиняный, то он и разбился на куски от ударов. Тогда жена ручкой от горшка еще исполосовала лицо сопернице, приговаривая при этом:

– На, получай, шлюха проклятая! Я тебя приютила и от побоев мужниных уберегла, а ты вон как мне отплатила!

И давай опять колотить ее ручкою от горшка, так что беднягу Гийома жалость взяла и он осмелел вступить и разнять женщин, успокаивая их, как мог, и говоря:

– Голубушка, да не гневайся же так, клянусь душою, я ведь думал, что это ты, так что не держи на меня зла!

Тут Гийомова жена, выслушав мужа, поостыла немного, но еще не вовсе унялась и опять обратилась к жене Жеана:

– А зачем это ты, шлюха подлая, перебралась на ту сторону постели и взялась за моего мужа?

На что та принялась просить у ней прощения, говоря, будто поступила такие подумавши, забыв, что она не у себя дома, и полагая, что это своего мужа она эдак урабатывает, дабы получить от него еще разок удовольствие себе. Делать нечего, пришлось Гийомовой жене поверить ей на слово, и кое-как помирившись, провели они вместе остаток ночи.

Утром, в привычный час, Гийом отправился работать к хозяину, где и всегда он трудился, а там встретил Жеана, который сидел уже за работою. Надо вам знать, что жена последнего, когда совсем рассвело, распрощалась с хозяйкой дома, кротко поблагодарила ее за гостеприимство и, дрожа от страха, что все откроется, вернулась к себе в дом, весьма удрученная расцарапанной своей физиономией, на которую и в зеркало-то взглянуть было страшно. Вот выходит она из дому и отправляется туда, где работал ее муж. И тот, увидя, как она вся ободрана, весьма пораженный, спрашивает ее:

– Эй, жена, кто учинил вам эдакое? Ввечеру, когда я собрался вас отлупить, ничего такого не было.

– Клянусь святым Жеаном, – говорит она в ответ, – это жена злодея Гийома, – того, что подле вас сидит, – меня эдак разукрасила.

– Ну и ну! – говорит Жеан Гийому, – а ведь это не дело!

– И это еще не все, мой дружок, – продолжает жена, – есть кое-что похуже, черт бы побрал нашего соседа.

– А что же он такого содеял? – спрашивает Жеан.

– А вот что, – говорит она. – Этот злодей Гийом два раза мною попользовался, пока я спала вместе с ними в их постели.

– Ах, дьявол тебя подери! – говорит Жеан, – а ведь это совсем не дело!

– Да, ей-богу, – кричит Гийом, – все вы тут наврали бесстыдно, ибо вовсе не спали тогда, и уж коли до того дошло, так я скажу всю правду вашему мужу. Сперва-то вы лежали за моею женой, у стенки, а после встали да ко мне под бочок и давай месить мне живот и кое-что пониже. Вот я и оседлал вас, думая, что имею дело со своей женой, так оно все и вышло, – заключил Гийом.

Жеана эти слова совсем ошарашили, – что обухом по голове, и он вскочил с места, желая опять поколотить жену, но та убежала; тогда двое мужей помирились и пошли выпить, дабы скрепить свое примирение, ибо худой мир все лучше доброй ссоры, ну а уж добрый мир куда лучше смертельного побоища.